



М. М. ЩЕРБАТОВ

О повреждении нравов в России

<Фрагменты>

Взирая на нынешнее состояние отечества моего с таковым оком, каковое может иметь человек, воспитанный по строгим древним правилам, у коего страсти уже летами в ослабление пришли, а довольное испытание подало потребное просвещение, дабы судить о вещах, не могу я не удивиться, в коль краткое время повредились повсюдно нравы в России. Воистину могу я сказать, что естли, вступя позже других народов в путь просвещения, и нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов; мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполнинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов и достигли даже до того, что вера и божественный закон в сердцах наших истребились, тайны божественные в презрение впали. Гражданские узаконения презираемы стали. Судии во всяких делах нетоль стали стараться объясняя дело, учинить свои заключения на основании узаконеней, как о том, чтобы, лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыль или, угождая какому вельможе, стараются проникать, какое есть его хотение; другие же, не зная и не стараяся познавать узаконения, в суждениях своих, как безумные бредят, и ни жизнь, ни честь, ни имущества гражданския не суть безопасны от таковых неправосудей. Несть ни почтения от чад к родителям, которые не стыдятся открыто их воли противуборствовать и смеивать их старого века поступок. Несть ни родительской любви к их исчадию, которые, яко иго с плеч слагая, с радостию отдают воспитывать чуждым детям своим; часто жертвуют их своим прибытком, и многие училились для честолюбия и пышности продавцами чести дочерей своих. Несть искренней любви между супругов, которые часто

друг другу, хладно терпя взаимственныя прелюбодеяния, или другия за малое что разрушают собою церковью заключенный брак, и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся сим поступком. Несть родственнические связи, ибо имя родов своих ни за что почитают, но каждый живет для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своя; несть верности к государю, ибо главное стремление почта всех обманывать своего государя, дабы от него получать чины и прибыточные награждения; несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконец несть твердости духу, дабы не токмо истину пред монархом сказать, но ниже временщику в незаконном и зловердном его намерении попротивиться.

Толь совершенное истребление всех благих нравов, грозящее падением государству, конечно должно какие основательные причины иметь, которые во первых я подцуса открыть, а потом показать и самую историю, как нравы час от часу повреждались, даже как дошли до настоящей развратности.

Стечение многих страстей может произвести такое повреждение нравов, а однако главнее из сих я почитаю сластолюбие. Ибо оно рождает разные стремительныя хотения, а дабы достигнуть до удовольствия оных, часто человек ничего не щадит. В самом деле, человек, предавшей себя весь своим беспорядочным хотениям, и обожа внутри сердца своего свои охулительные страсти, мало уже помышляет о законе божий, а тем меньше еще о узаконениях страны, в которой живет. Имея себя единого в виду, может ли он быть сострадателен к ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы? А как государя считает источником, от коего может получить такая награждения, которые могут дать ему способы исполнить свое сладострастие, то привязывается к нему, но не с тою верностию, каковую бы должен преданной к самодержцу своему иметь, но с тем стремлением, к чему ведет его страсть, то есть, чтобы угождать во всем государю, льстить его страстям и подвигнуть его награждать его. А таковые расположения не рождают твердости; ибо может ли тот быть тверд, которой всегда трепещет не достигнуть до своего предмету, и которого твердость явным образом от одного удаляет? Юлий Цесарь, толь искусный в познании сердец человеческих, яко искусен в военных и политических делах, который умел побеждать вооруженных противу его врагов и побежденных сердца к себе обращать. Не иное что ко утверждению своея похищенные власти употребил, как большия награждения, дабы, введши чрез сие сластолюбие, к нему якобы ко источнику раздаяней более людей привязывались. Не токмо всем своим поступком изъявлял такая свои мысли,

но и самыми словами единожды их изъяснил. Случилось, что ему доносили нечто на Антония и на Долабелу, якобы он их должен опасаться. Отвечал, что он сих в широких и покойных одеждах ходящих людей, любящих свои удовольствия и роскошь, никогда страшиться причины иметь не может. Но сии люди, продолжал он, которые о великолепии ни о спокойствии одежд не радят, сии иже роскошь презирают, и малое почти за излишнее считают, каковы суть Брутус и Кассий, ему опасны в рассуждении намерений его лишить вольности римский народ. Не ошибся он в сем, ибо подлинно сии его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали. И тако самый сей пример и доказует нам, что не в роскоши и сластолюбии издыхающая римская вольность обрела себе защищение, но в строгости нравов и в умеренности.

Отложа все суровости следствий непросвещения и скитающейся жизни диких народов, рассмотрим их внутренния и не истребленные, влияющие природою в сердце человеческое добродетели. Худы ли или хороши их законы, они им строго последуют; обязательствы их суть священы, и почти не слышно, чтобы когда кто супруге или ближнему изменил; твердость их есть не вероятно, они за честь себе считают не токмо без страху, но и с презрением мученей умереть; щедрость их похвальна, ибо все, что общество трудами своими приобретает, то все равно в обществе делится, и нигде я не нашел, чтоб дикия странствующие и не просвещенные народы похитили у собратей своих плоды собственных своих трудов, дабы свое состояние лучше других сделать. А все сие происходит, что несть в них и не знают они сластолюбия, следственно и никакого желания, клонящегося в ущерб другому, а к пользе себе, иметь не могут.

<...>

Петр Великий, подражая чужестранным народам, нетокмо тщился ввести познание наук, искусств и ремесл, военное порядочное устройство, торговлю и приличнейшия узаконения в свое государство, также старался ввести и таковую людцкость, сообщение и великолепие, в коем ему сперва Лефорг натвердил, а потом которое и сам он усмотрел. Среди нужных установленей законодательства, учреждения войск и артиллерии, не меньше он прилегал намерение являющиеся ему грубые древния нравы смягчить. Повелел он бороды брить, отменил старинные русские одеяния и вместо длинных платьев заставил мужчин немецкие кафтаны носить, а женщин вместо телогрей — бостроги, юбки, шлафроки и самары, вместо подколоков — фантанжами и корнетами голову украшать. Учредил разные собрания, где женщины, до сего отделенные от сообщения мужчин, вместе с ними при ве-

селиях присутствовали. Приятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами в домах своих, пользоваться всеми удовольствиями общества, украшать себя одеяниями и уборами, умножающими красоту лица их и оказующими их хороший стан; не малое же им удовольствие учинило, что могли прежде видеть, с кем на век должны совокупиться, и что лица женихов их и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А с другой стороны, приятно было младым и незаматерелым в древних обычаях людям вольное обхождение с женским полом, и что могут наперед видеть и познать своих невест, на которых прежде, поверяя взору родителей их, женивались. Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начела чувствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло. А сие самое и учинило, что жены, до того не чувствующие свои красоты, начели силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одеяниями, и более предков своих распростерли роскошь в украшении. О коль желание быть приятной действует над чувствами жен! Я от верных людей слышал, что тогда в Москве была одна только уборщица для волос женских, и ежели к какому празднику когда должны были молодые женщины убираться, тогда случалась, что она за трои сутки некоторых убирала и они принуждены были до дня выезду сидя спать, чтобы убору не испортить. Может быть, сему не поверят ныне, но я паки подтверждаю, что я сие от толь верных людей слышел, что всем сумневаться не должно. Если страсть быть приятной такое действие над женами производила, не могла она не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угодным быть, то то же тщание украшенной, ту же роскошь рождало. И уже перестали довольствоваться одним или двумя длинными платьями, но многия с голунами, с шитьем и с пондеспанами делать начели.

Колико сам государь ни держался древней простоты нравов в своей одежде, так что, кроме простых кавтанов и мундиров, никогда богатых не нашивал, и токмо для коронации императрицы Екатерины Алексеевны, своей супруги, сделал голубой гродетуровой кавтан с серебряным шитьем, да сказывают еще у него был другой кавтан дикой с золотым шитьем, не знаю, для какого знатного же случая сделанной. Протчее все было так просто, что и беднейший человек ныне того носить не станет. Как видно по оставшим его одеждам, которые храняться в Куншккамере при императорской академии наук. Манжет он не любил и не нашивал, яко свидетельствуют его портреты; богатых екипажей не имел, но обыкновенно ездил в городах в одноколке, а в дальном пути в качалке. Множества служителей и придворных

у него не было, но были у него денщики, и даже караулу кроме как полковника гвардии не имел. Однако при такой собственно особы его простоте хотел он, чтобы подданные его некоторое великолепие имели. Я думаю, что сей великий государь, которой ничего без дальновидности не делал, имел себе в предмет, чтоб великолепием и роскошью подданных побудить торговлю, фабрики и ремеслы, быв уверен, что при жизни его излишнее великолепие и сластолюбие не утвердит престола своего при царском дворе. И тако мы находим, что он побуждал некоторое великолепие в платьях, как видим мы, что во время торжественного входу, после взятия Азовского, генерал-адмирал Лефорт шел в красном кавтане с голунами по швам, и другие генералы также богатые кавтаны имели, ибо тогда генералы мундиров не нашивали. Богатые люди из первосановников его двора или которые благодеяниями его были обогащены, как Трубецкия, Шереметев и Меншиков; в торжественные дни уже старались богатые иметь платья. Парчи и голуны стали как у жен, так и у мужей во употреблении, и хотя не часто таковые платья надевали, моды хотя долго продолжались, однако они были, и по достатку своему оные уже их чаще, нежели при прежних обычаях делали. Вместо саней и верховой езды и вместо колымаг, не терпящих украшеней, поевились уже кареты и коляски, начелись уже пуки, которых до того не знали, и приличные украшения к сим экипажам. Служители переодеты на немецкий манер, не в разноцветных платьях стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволению делал им ливреи, а офисынты, которых тогда еще весьма мало было, еще в разноцветных платьях ходили.

Касательно до внутреннего житья, хотя сам государь довольствовался самою простою пищею, однако он ввел уже во употребление прежде неизвестные в России напитки, которые предпочтительно другим пивал. То есть, вместо вотки домашней, сиженой из простого вина, вотку голландскую анисовую, которая приказной называлась. И вины ермитаж и венгерское, до того не известные в России.

Подражали сему его и вельможи, и те, которые близки были ко двору, да и в самом деле, надлежало им сие иметь, ибо государь охотно подданных своих посещал, то подданный чего для государя не сделает? Правда, сие не токмо ему было угодно, но напротив того, он часто за сие гневался, и не токмо из простого вина подслащенную вотку, но и самое простое вино пивал, но и собственное желание удовольствия, до того ими не известного, превозмогло и самое запрещение государево, дабы последовать его вкусу. Уже в домах завелиса нетокмо анисовая приказная вотка,

но и гданския. вины нетокмо старинные, о коих выше помянул, но также ермитаж, венгерское и некоторые другия. Правда, что еще их сначала весьма бережливо подавали, и в посредственных домах никогда в обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздников и пиршеств, да и тут не стыдились, принести четвертную или сулею запечатанную и, налив из нее по рюмки, опять запечатав, на погреб отослать.

Однако, хотя сам не любил, и не имел времени при дворе своем делать пиршества, то оставил сие любимцу своему князю Меншикову, который часто оные как в торжественные дни, так и для чужестранных министров с великим великолепием по тогдашнему времени чинил. Имел для сего великой дом, не токмо на то время, но и в нынешнее, ибо в оной после кадетской сухопутной корпус был помещен, и слышал я, что часто государь, видя из дворца своего торжество и пиршество в доме его любимца, чувствовал удовольствие. Говоря: «Вот как Данилич веселится». Равно ему подражая, так и быв обязаны самыми своими чинами, другия первосановники империи также имели открытые столы, как генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, канцлер граф Гаврила Иванович Головкин и боярин Тихон Никитич Стрешнев, которому, поелику он оставался первым правителем империи во время отсутствия в чужиях краях императора Петра Великого, на стол и деревни были даны.

Сим знатым людям и низшия подражая, уже во многих домах открытые столы завелися, и столы не такие, как были старинные, то есть, что токмо произведении домостройства употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкус доброте мяс и рыб. И конечно в таком народе, в крем странноприимство сочиняло всегда отличную добродетель, не трудно было вестись в обычай таковых открытых столов употребление; что соединяясь и с собственным удовольствием общества, и с лутчим вкусом кушанья, противу старинного, самым удовольствием утверждалось.

Не неприятель был Петр Великой честному обществу, но хотел, чтобы оно безубыточно каждому было. Он учредил ассамблеи, на которые в назначенные дни множество собирались. Но сим ассамблеям предписал печатными листами правила, что должно на стол поставлять и как принимать приезжих. Сим упреждая и излишнюю роскошь, и тягость высших себе принимать. Ибо общество не в обжирании и опивании состоит, и не может оно быть приятно, где нет равенности. Сам часто государь присутствовал в сих ассамблеях и строго наблюдал, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сии преграды, когда вкус, естественное сластолюбие и роскошь стараются поставленную преграду разрушить,

и где неравность чинов и надежда получить что от вельмож истребляют равность. В присутствии государевом учиненные им предписания сохранялись в ассамблеях, но в простом житье роскошь и унижение утверждали свои корни.

И подлинно мы видим, что тогда зачели уже многия дома упадать, и упадающие ожидать от милости государской и от защипения вельмож своего подкрепления. Из первых знатных домов мне случилось слышать о упавшем доме князя Ивана Васильевича Одоевского, которого дом был на Тверской, тот самой, которой после сего был Василья Федоровича Салтыкова, потом Строганова, а ныне за князь Алексеем Борисовичем Голицыным состоит, в приходе у Спаса. Сей князь Одоевской неумеренным своим сластолюбием так разорился, что, продав все деревни, оставил себе некоторое число служителей, которые были музыканты, и сии, ходя в разные места играть и получая плату, тем остальное время жизни его содержали. Воистину при древней простоте нравов музыканты не нашли бы довольно в упражнении своем прибыли, чтобы и себя, и господина своего содержать.

Я сказал о сем князе Одоевском, яко о разорившемся человеке, но и многия другия, естли не в разорение от сей перемены жизни пришли, но по крайней мере чувствовали не малую нужду. Дабы умолчать о прочих, Борис Петрович Шереметев, фелтмаршал, именитый своими делами, обогащенный милостию монаршею, принужден однако был вперед государево жалованье забирать и с долгом сим скончался, яко свидетельствует самая его духовная. И после смерти жена его подавала письмо государю, что она от исков и других убытков пришла в разоренье.

Переменившейся таким образом род жизни, в начале первоосновников государства, а в подражании им и других дворян, и расходы достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать; начели люди наиболее привязываться к государю и к вельможам, яко ко источникам богатства и награждений. Страхусья, чтобы кто не сказал, что по крайней мере сие добро произвело, что июли наиболее к государю стали привязываться. Несть, сия привязанность несть благо, ибо она не точно к особе государской была, но к собственным своим пользам; привязанность сия учинилась не привязанность верных подданных, любящих государя и его честь, и соображающих все с пользою государства, но привязанность рабов наемщиков, жертвующих все своим выгодам и обманывающих лестным усердием своего государя.

Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестию и самством наполнилось. Оттуда произошло раболепство, презрение истины, обольщение государя и прочия злы, которые

днесь при дворе царствуют, и которые в домах вельможей вогнездились. Не соскрылся сей порок от остроумного монарха, и сей государь, строг и справедлив до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, как я слышал, что один из знаемых ему офицеров, быв с ним на ассамблее, выхвалял свое усердие к государю, говоря, что он во всяком случае готов за него умереть. Услышел сие государь, ему говорил, что ни он не желает, ни должность его ему не повелевает, чтобы он хотел, не разбирая случая, для него умереть, но требует токмо того, чтобы в случае нужды или опасности его особы, что ни может быть не соединено с пользою государственною, он расположен был пожертвовать своею жизнью. Офицер, хотя наиболее показать свое усердие, зачел паки утверждать, что он сие готов учинить всякой час, когда угодно будет государю. Остроумный монарх, ничего не отвечав, взяв его руку, палец его поднес к горячей свече и зачал его жечь; от боли офицер зачел силиться выдернуть руку. Тогда, ее опустя, сказал ему государь, что когда он малой боли обожжения пальца вытерпеть не мог, не по нужде, но по воле государя, то как он толь щедро обещает с радостью и все тело свое без нужды пожертвовать? Другой случай, слышанной же мною, доказует, коль любил государь истину. Захар Данилыч Мешуков, бывший порутчиком во флоте прежде, 1718 году, любимый государем яко первый русской, в котором он довольно знания в мореплавании нашел, и первой, которой командовал уже фрегатом, быв на едином пиршестве с государем в Кронштате и напившись несколько пьян, стал размышлять о летах государя, о оказующемся слабом его здоровье, и о наследнике, какого оставляет, вдруг заплакал. Удивился государь, возле которого он сидел, о текущих его слезах, любопытно спрашивал причину оных. Мешуков отвечивал, что он размышлял, что место, где они сидят, град, столичный близ построенный, флот заведенный, множество русских, входящих в мореплаватели, самый он, служившей во флоте и окружающей его милости, суть деянии рук его, то взирая на сие и примечая, что здоровье его, государя и благодетеля, ослабевает, не мог от слез не удержаться, прилегая притом простою речью: «На кого ты нас оставишь». Отвечивал государь: «У меня есть наследник», — разумея царевича Алексея Петровича. На сие Мешуков спIANA и неосторожно сказал: «Ох! вить он глуп, все расстроит». При государе сказать так о наследнике, и сие не тайно, но пред множеством заседающих! Что сделал государь? Почувствовал он вдруг дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмехнувшись, ударить его в голову с приложением: «Дурак, сего в беседе не говорят».

Но, невзирая на таковое любление истины, он ни на отвращение его ото лести, не мог государь вкрадывающейся сей яд искоренить. Большая часть окружающих его ни в чем не смели ему противуречить, но паче льстили, хваля все соделанное им и не противуреча его изволениям, а иные и угождая страстям его. Хотя он знатным образом никогда обманут и не был, однако князь Яков Федорович Долгоруков никогда не нашел в супротивлениях своих государю в сенате себе помощников. И тщетно он суровыми и спра-ведливими своими предложениями два определения, подписанные государем, отменил, о привозе на переменных лошадях провианту в Петербург на армию, и о набрании посохи, на содержании народном, для делания Ладожского канала, в обоих случаях, ни в других, никто соучастником его твердости и справедливости быть не хотел; единый сам государь терпел его грубые, но справедливые предложения, и, хотя с стиснением сердца, превозмогая себя, на оные соглашался. Я слышел от очевидных свидетелей, и Василей Никитич Татищев в истории своей сие вмести, что бывши государь в Кронштадте в едином пиршестве, окружающая его вельможи начели превозносить его хвалами, говоря, что он более отца своего. Между таковых похвальных воплей единый князь Яков Федорович Долгорукой в молчании пребывал. Приметя сие, государь требовал его мнения. Сей остроумный и твердый муж не мог вдруг ответить на такой вопрос, где состояло суждение между царствующего государя и его отца, обеих отличных их качествами. Взяв несколько времени подумать, сказал следующее. Исчислил он все подробно, что Петр Великий сделал для пользы отечества, исчислил его труды и подвиги, и наконец сказал, коль велик он есть во владыках земных; но, продолжая, говорил, все сии труды, все сии установления не утверждают еще внутреннего спокойствия государства, и безопасность гражданскую в жизни и в имениях; отец же твой, говорил, при тихости нравов, начинал многое, но паче всего, что он сделал, уложение, которое ныне, по перемене обычаев, перемены требует, когда окончишь ты все свои подвиги благими узаконениями, тогда справедливо можно будет сказать, что весьма превзошел твоего отца. Государь восчувствовал всю справедливость его глаголов и согласием своим мнение его утвердил.

Чего же ради никто другой ни в беседах, ни в сенате, и нигде инде таковой правды не говорил, как сей бессмертия достойный князь Долгоруков? Того ради, что они более желали приобрести милость государскую, нежели, говоря правду, его почтение, желали чинов и имений. Ибо в самом деле не видно, чтобы любимец его, князь Меншиков, когда ему строгую правду представлял,

чтобы Гаврило Иванович Головкин, государственный канцлер, отворотил его от переписки с Гилембурхом, с Горном и с английскими и шкотланскими сообщниками претендента, ни Остерман, бывший тогда в малом чину и написавшей требуемое письмо, несовместимость сего поступку представил, чтобы Иван Мусин-Пушкин его от какого дела удержал; чтобы адмирал Апраксин, имеющий толикую уверенность, что вопреки сказал государю. Но все токмо согласие свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству для свойственных своих прибытков; чему и сам государь и князь Яков Федорович Долгорукий противоборствовали. А с другой стороны, духовный чин, который его не любил, за отнятие своей власти, гремел во храмах божиих его панегириками. Между сими Прокопович, которой из духовенства, хотя нелюбви к государю не имел, но был совершенно ослеплен честолюбием, яко в другия царствовании ясно оказал, выпранный сий глас на хвалы государевы вознес. Достоин он был многих похвал; но желательно было бы, чтобы они не от лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбивого архиерея, жертвующаго закон изволениям Бирона, сего иже не устыдился быть судьей тайной канцелярии, был архипастырем церкви божией, были лестны, яко свидетельствует его собственное сочинение: «Правда воли монаршей», — памятник лести и подобострастия монашеского изволения государскому.

Сказал я, что сластолюбие и роскошь могли такое действие в сердцах произвести, но были ещё и другия причины, происходящая от самых учрежденных, которые твердость и добронравие искореняли. Разрушенное местничество (вредное впрочем службе и государству) и не замененной никаким правом знатым родам, истребило мысли благородной гордости во дворянах, ибо стали не роды. почтенны, но чины и заслуги и выслуги; и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые услуги учинить, то, за недостатком заслуг, стали стараться выслуживаться, всякими образами лestia и угождая государю и вельможам; а при Петре Великом введенная регулярная служба, в которую вместе с холопами их писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первые по выслугам, пристойным их роду людям, доходя до офицерских чинов, учинялись начальниками господам своим и бивали их палками. Роды дворянския стали разделены по службе так, что иной однородцов своих и век не увидит. То могла ли остаться добродетель и твердость в тех, которые с юности своей от палки своих начальников дрожали, которые инако, как подслугами, почтения не могли приобрести, и быв каждый без всякой опоры от своих однородцов, без соединения и защиты, оставался един, могущий предан быть в руки сильного.

Похвально есть, что Петр Великий хотел истребить суеверии в законе, ибо в самом деле, не почтение есть богу и закону суеверие, но паче ругание. Ибо приписывать богу неприличные ему деяния, сие есть богохулить. В России бороду образом Божиим почитали, и за грех считали ее брить, а чрез сие впадали в ересь антропоморфитов. Чудеса, без нужды учиненные, явленные образы, редко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суеверное богомолie и делали доходы развратным священнослужителям. Все сие Петр Великий тщился отвратить; указами повелел брить бороды, а духовным регламентом положил преграду ложным чудесам и явлениям, равно как и неблагопристойным сборам при поставленных на распутьях образах. Зная, что закон Божий есть к сохранению рода человеческого, а не ко истреблению его без нужды, благословением от синода и от вселенских патриархов учинил позволено есть мясо в посты в нужде, а лаче в морской службе, где и без рыбы довольно люди к скорбутике подвержены, повелевая самоохотно жертвующих жизнью своею таковым воздержанием, во время приключившихся им болезням, в воду кидать. Все сие очень хорошо, а кроме что последнее несколько сурово. Но когда он сие учинил, тогда, когда народ еще был непросвещен, и тако, отнимая суеверии у непросвещенного народа, он самую веру к божественному закону отнимал. Сие действие Петра Великого можно применить к действию неискусного садовника, которой у слабого дерева отрезывает водяные, пожирающие его сок, ветви. Естли бы оно было корнем сильно, то сие обрезывание учинило ему произвести хорошия и плодовые ветви, но как оно слабо и больно, то урезание сих ветвей, которые чрез способ листьев своих, получающих внешнею влагу, питали слабое дерево, отняв ее, новых плодовых ветвей не произвело, ниже соком раны затянуло, и тут сделались дуплы, грозящие погибелью древу. Так урезание суеверий и на самые основательные части веры вред произвело, уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к богу и к святому его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить.

Со всем почтением, которое я к сему великому в монархах и великому в человеках в сердце своем сохраняю, со всем чувствием моим, что самая польза государственная требовала, чтобы он имел, кроме царевича Алексея Петровича, законных детей преемниками его престола. Не могу удержаться, чтобы не охулить развод его с первою супругою, рожденной Лопухиной, и второй брак, по пострижении первой супруги, с пленницею Екатериною Алексеевною, ибо пример сей нарушения таинства супружества,

ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можно его нарушать. Пусть монарх имел к тому сильные причины, которых однако я не вижу, кроме склонности его к Монсовым и сопротивления жены его новым установлениям; но подражатели его имели ли государственные причины подобное делать. Павел Иванович Егузинской, постригши первую свою жену и женись на другой, рожденной Головкиной, имел ли государственные причины стараться иметь себе потомство, в нарушение божественных законов? Многие и другия сему подражали и не токмо из вельмож, но и из малочиновных людей, яко князь Борис Солнцев-Засекин сие учинил.

И тако, хотя Россия чрез труды и попечения сего государя приобрела знаемость в Европе и вес в делах, войски ее стали порядочным образом учрежденны, и флоты Белое и Балтийское море покрыли, коими силами победила давных своих неприятелей и прежних победителей, поляков и шведов, приобрела знатные области и морские пристанищи. Науки и художества, и ремеслы в ней стали процветать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались россияне из бородатых в. гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительное, и позорищи благонравные известны им учинились. Но тогда же искренняя привязанность к вере стала исчезать, таинства стали впадать в презрение, твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти, а сим побуждено и корыстолюбие к разрушению законов и ко вреду граждан начало проникать в судебные места.

Таково есть состояние, в котором (не взирая на все преграды, которые собственной своей особою и своим примером полагал Петр Великий для отвращения от пороков) в рассуждении нравов осталася Россия по смерти сего великого государя. Воззрим таперь колико при двух кратких царствованиях Екатерины Первой и Петра II пороки сделали шегов, дабы наиболее утвердиться в России.

Женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели мужской, и тако видим мы, что императрица Екатерина Алексеевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великого, имела уже двор свой. Камергер у нее был Монс, которого излишняя роскошь были первые знаки, доведшия его до поносной смерти; камер-юнкеры ее были Петр и Яков Федоровичи Балковы, его племянники, которые также при несчастии его от двора были отгнаны. Любила она и тщицалась украшаться разными уборами и простирала сие хотение до того, что запрещено было другим женщинам подобные ей украшения носить, яко же убирать алмазами обе стороны головы, а токмо позволяла убирать левую сторону, запре-

щено стало носить горностаевые мехи с хвостиками, которые одна она носила, и сие не указом, не законом введенное обыкновение учинилось почти узаконение, присвояющее сие украшение единой императорской фамилии, тогда как в немецкой земле и мещанки его употребляют. А такое тщание не показывает ли, что естли лета зачели убавлять ее красоту, то уборам, отличными от других, тщилась оную превозвысить. Не знаю, справедливо ли сие мнение было, и прилично ли государю ежечасно подобно как в маскератном платье пред подданными своими быть, якобы не доставало ему других украшений, могущих его отличить. По восшествии ея на престол, довольню чудным образом воспоследующим, ибо Петр Великий не с тем ея венчал царским венцом, чтоб ея наследницею своею учинить, ниже когда того желал, но умирая, не назнача наследника, вельможи, а именно: князь Меншиков, зная слабость императрицы, Толстой, боясь мщениа от сына царевича Алексея Петровича, законного наследника, за привезение и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардии, надеится ли он на согласие гвардии полков, и получа утвердительный ответ, пред собранными полками ее самодержицею провозгласили. Тако взошла сия государыня на всероссийский престол, действия недостатку основательных законов. И Петр Великий еще не охладел мертвый, а уже не воля его, не право наследственное и привязанность к крови, но самовольное желание вельмож решило важнейшую вещь в свете, то есть наследство его престола.

Восшествие ее таким образом на престол следующие действия над нравами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всем пространстве сего названия, вельможи были честолюбивы и жадны. А из сего произошло, упражняясь в повседневных пиршествах и роскошах, оставила всю власть правительства вельможам, из которых вскоре взял верх князь Меншиков. Пышность и сластолюбие у двора его умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужем, хотя достойным, но из подлости происшедшим, а место ее заступило раболепство к сему вельможе, могущему все.

Краткое царствование сей императрицы впрочем больших перемен не могло учинить, окроме что вывоз разных драгоценных уборов и вин весьма умножился, и сластолюбие сие во все степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило искание способов без разбору, дабы оные наполнить.

Какое тогда состояние было сына царевича Алексея Петровича, по несчастию отца своего лишенного принадлежащего ему наследия? Он был в юных летах, о воспитании его не помышляли, наследником престола его не признавали, и ниже моления в церквах

о здравии его было, яко бы надлежало о происшедшем от царского корня, и все его поступки надзираемы были.

Дабы наиболее надзирать его поступки и примечать его слова и движении, определен был к нему младый, умный и честолюбивый человек, князь Иван Алексеевич Долгоруков. Сей, примечая жизнь императрицы Екатерины Алексеевны, и рассуждая, что не уповательно, чтобы две дщери Петра, Великая герцогиня Анна и цесаревна Елисавета, яко до браку рожденные, могли на российский престол после матери своей взойти, вместо того под видом служения князь Петру Алексеевичу быть его предателем, рассудил сыскать его к себе милость и поверенность. В единый день; нашед его единого, пал пред ним на колени, изъясняя всю привязанность, какую весь род его к деду его, Петру Великому, имеет, и к его крови, изъяснил ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает его законным наследником российского престола, прося, да уверится в его усердии и преданности к нему. Таковые изъяснения тронули сердце молодого чувствующего свое несчастье князя. Тотчас доверенность последовала подозрениям, а после и совершенная дружба, по крайней мере со стороны князя Петра Алексеевича, сих молодых людей соединила.

Однако князь Меншиков, видя себя правителем государства я толь близко к престолу, не мог осмелиться желать оный себе приобрести, зная, что никто из россиан не потерпит, чтоб, имея еще многих царского рода, он мог, происшедшей из низких людей, похитить себе престол, обратил мысли свои, если не быть самому государем, то учиниться его тестем. Князь Петр Алексеевич, оставленный от всех и непризнанный наследником престола, ему показался быть к сему удобным орудием. Но прежде он хотел обязанного ближним родством венского двора мысли о сем узнать, то есть, чтобы и оный согласился оставить ему правление государства до возрасту императора и дочь свою за оного выдать. По бывшим переговорам с графом Вратиславом, послом цесарским, на все сие согласие получил, и цесарский двор прислал 40 тысяч рублей в подарок Госпоже Крамер, камер-фрау императрицы Екатерины Алексеевны, дабы она ее склонила именовать по себе наследником князя Петра Алексеевича. И тако в сем случае российский престол стал покупаться, и не близость крови, но избрание прежде бывшей пленницы, внука Петра Великого и правнука царя Алексея Михайловича на престол толь знатной империи возводило.

Вскоре по именовании своем наследником Российского престола князь Петр Алексеевич, под именем императора Петра II лет, взошел по смерти императрицы Екатерины Алексеевны. Сила и могущество князя Меншикова умножились, государь был

в юных летах, а сей вельможа, хотя не был именован регентом, но действительно таковым был. А сие самое уже доказует, колико упал дух благородных; при младенчестве царя Иоанна Васильевича законной властью утвержденному совету для управления во время малолетства государева, боярам, выбранным из среды самих их, из среды знатнейших родов государства, повиноваться не хотели. И когда в болезни своей царь Иоанн Васильевич хотел утвердить престол малолетнему сыну своему, то, не хотя быть управляемыми боярами, сыну государя своего присегать не хотели. Во время младенчества самого Петра Великого на случай Нарышкиных негодовали, а се ныне из подлости происшедшему мужу, без всякого законного утверждения его власти, бесспорно повиновались. Да рассудит по сему, верность ли сие было к государю, или падение духу благородного.

Истинна заставила меня сие сказать, но я не могу, поелику мне известно, не похвалить поступок князя Меншикова. Он честолюбием на место сие был возведен, но управление его было хорошо, а паче попечения его о воспитании и научении младого государя; часы были установлены для наук, для слушания дел, для разговоров и обласкания первосановников государства и, наконец, часы для веселия. И можно сказать, что князь Меншиков был купно правитель государства и дятка государев. Еще бы похвальнее его поступок был, естли бы он не имел собственных своих видов, а делал бы сие для пользы отечества и в воздаяние эа то, чем он должен Петру Великому, деду царствующего государя. Но он не имел толь героической души, и все мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младого государя, что наконец противу самой склонности государя исполнено им было.

Посем приумножил свои старания о воспитании и научении государя. Взял его жить в дом свой, неотлучно при нем пребывая, и дом князя Меншикова учинился дворец государев. Во время сие соделал он два дела, которые присоединенные к противу склонности государевой обручения его с княжною Меншиковою, приключили наконец падение сего вельможи. Первое, был при государе учитель, родом венгерец, именем Зейкин. Сей противен учинился владычествующему министру, и сего он в тайне от государя удалил. Хотя молчанию сие предал государь, но не оставил подозревать, от кого сей его наставник был удален, не смея и вопрошать о нем, дабы более ему несчастья не приключить. Второе, принесено было от купечества несколько тысяч червонных к государю, были благосклонно приняты, но тогда случившеяся тут сестра государева, принцесса Наталья Алексеевна, сих денег к себе просила. Государь, который весьма любил сестру свою, приказал их отнести еще тог-

да, как принесши их купцы в прихожей находились. Встретился князь Меншиков с несомыми сими деньгами в комнату принцессы, их немедленно возвратил, и, пришед в комнату государеву, представлял ему, что таковой немедленно учиненный дар принесенных денег купцами показывает презрение к оным и может огорчить его подданных. Может быть, представил ему и правила бережливости, какие Петр Великий имел. Сие огорчило государя и сестру его, а подало случай наедине любимцу его, князь Ивану Алексеевичу Долгорукову, представить ему, коль мала его есть власть. Кажется властолюбие в сердцах прежде всего родится, а паче в сердцах монарших, и тако сие оскорбление, тем наивящее, что отметить за него не мог, на сердце младого монарха оставалось.

Однако приличными весельями и удовольствиями, частыми съездами ко двору старался князь Меншиков благопристойным образом в праздные часы веселить своего государя и зятя. А пример двора, разливаясь сперва на вельмож, а потом и на других граждан, чинил, что и они по мере достатку своего, а иногда и свыше, старались сообществом веселиться, и простота нравов исчезала.

Наконец приходило время падения князя Меншикова, и произошло оно от следующего случая. Сей вельможа, всячески стараясь утешить своего государя и укрепить движением и трудами его тело, повез его со псовою охотою. Гоньба, травля, и прочее, что веселит в сей охоте, весьма полюбились младому государю. Часто князь Меншиков отъезжал в мызу свою Оранинбоум, и случилось, что единожды в небытность его в Петербурге, в пасмурной и холодной день, государь поехал на поле. По возвращении своем, нашел он Меншикова весьма раздраженным сею ездою, которой с тою горячностью, каковая может произойти от желания сохранить его здоровье и от опасности потерю его лишиться толь великого союза, ему представлял, коль нерассудительно было в пасмурное и холодное время ездить и здоровье свое подвергать. Хотя горячи были его изъяснения, но они от усердия происходили, однако младый государь ощущал только в них единую горячность и яко нарушение почтения к себе, однако скрыл и то в сердце своем: и князь Иван Алексеевич Долгорукий, ищущий погибели Меншикова, дабы самому и род свой на ту степень возвести, не оставил, паче очернить все слова сего вельможи.

Помнится мне, в июле месяце поехал князь Меншиков в мызу свою Оранинбоум для освящения созданные им церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и был употреблен к погублению его. Государь, по совету князя Ивана Алексеевича Долгорукова, поехал в Петергоф окружен гвардией, и поведено было князю Меншикову сказать, чтобы он в Петергоф не ездил, а проехал бы

прямо в Петербург, где тогда же двору государеву велено было из дому князя Меншикова выбираться. Тщетно ниспадавший сей министр просил единые милости, чтобы видеть государя и оправдании свои принести, тщетно княжна Катерина Александровна, его дочь, невеста государева, писала к великой княжне Наталье Алексеевне, дабы она упросила у государя, своего брата, прощение родителю ее. Первое, понеже опасались, чтоб сохраняемая некая князем Меншиковым власть и сильные его представления не тронули сердце государево, а ему отказано было; а нелюбимыя невесты, от коротой избавиться хотел сам государь, просьбы также действия не возимели, и князь Меншиков по приезде своем в Петербург назавтрее был арестован и сослан в ссылку. Тако ниспал сей пышный вельможа, пример перемены и непостоянства счастья: из низкого состояния почти до трона дошедший, и паки в низость и несчастье свергнутый.

Посем Петр Второй начел править сам государством, естли можно назвать правлением правление юноши государя. Князь Иван Алексеевич Долгоруков, друг и наперстник государев, толь ему любимый, что даже на одной постели с ним сыпал, всемогущий учинился. Пожалован немедленно был в обер-камергеры, возложена на него была андреевская лента, пожалован в капитаны гвардии Преображенского полку, гренадерской роты, и все родственники его были возвышены, правя по изволениям их всеми делами империи. Престали науки государевы, министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгналось от двора, и, пользуясь склонностию государевой к охоте, она всех важных упражненей место заняла. Однако, что погубило князя Меншикова, то не устрасило Долгоруких, они употребили старание, дабы им родственницу свою, княжну Екатерину Алексеевну, дочь князя Алексея Григорьевича, сестру же князя Ивана Алексеевича, за государя обручить. И в сем обручении нечто странное было, ибо хотя обручение сие было в присутствии всех и всего двора, но во время обручение государь и его невеста были окружены Преображенского Полку гренадерами, которые круг их, под начальством своего капитана князь Ивана Алексеевича Долгорукова, батальон каре составляли.

Князь Иван Алексеевич Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страстями, к каковым подвержены младые люди, не имеющие причины обуздывать их, были обладаемы. Пьянство, роскошь, любодееяние и насилии место прежде бывшего порядку заступили. В пример сему, ко стыду того века, скажу, что слюбился он, иль лутче сказать, взял на блудодеяние себе, и между прочими жену К. Н. Ю. Т. рожденную Головкину

и не токмо без всякой закрытности с нею жил, но при частых съездах у К. Т. с другими своими молодыми сообщниками пивал до крайности, бивал и ругивал мужа, бывшего тогда офицером кавалергардов, имеющего чин генерал-майора, и с терпением стыд свой от прелюбодеяния своей жены сносящего. И мне самому случилось слышать, что единожды, быв в доме сего князя Трубецкого по исполнении многих над ним ругательств, хотел наконец его выкинуть в окошко, и естли бы Степан Васильич Лопухин, свойственник государев по бабке его, Лопухиной, первой супруге Петра Великого, бывший тогда камер-юнкером у двора и в числе любимцев князя Долгорукова, сему не воспрепятствовал, то бы сие исполнено было. Но любострастие его одною или многими неудовольствовалось, согласие женщины на любодеяние уже часть его удовольствия отнимало, и он иногда приезжающих женщин из почтения к матери его затаскивал к себе и насиловал. Окружающие его однородны и другие младые люди, самым распутством дружбу его приобретшия, сему примеру подражали, и можно сказать, что честь женская не менее была в безопасности тогда в России, как от турков во взятом граде. Привычка есть и к преступлениям, а сей был первый шаг, которым жены выступали из скромности и тихого жития, которое от древних нравов они еще сохраняли.

Отец его, князь Алексей Григорьевич, человек посредственного разума, и единственно страстен к охоте, для коронации государей всегда бывают в Москве, то после оной и присоветовал ему там утвердить свое житие, остав я навсегда Петербурх. Приехал двор в Москву, но распутство не престало, по месяцу и по два отлучении государево для езды с собаками остановило течение дел; сила единого рода учинила, что токмо искатели в оном чины и милости получали, а другие уже и к грабежу народа приступали. Желания угодить роскошным Долгоруким юношам пиры со всею знаемую для них роскошью делали.

Возрим таперь, какие были сии езды государевы на охоту, и какая были там упражнении. Ибо пример двора великое действие над образом мысли и всех подданных имеет. Ездил государь в Боровском, Коломенском и других уездах иногда и по месяцу, ежедневно, не взирая ни на сырую погоду, ни на холод, езда с собаками была от утра до вечера. Окроме, что охота государева, при которой и сокольники находились, и все придворные, которые поневоле должны были охотниками сделаться, со всей России собранные знаемеишия охотники-дворяне имели позволение быть при охоте государевой. То коль сие должно было составить великую толпу людей и коликое множество собак. Всякой из сего себе представить может, пощажены ли были тогда поля с хлебом, на-

дежда земледельца, стада скота, хотя и отгонялись, но не могли ли иногда с сею толпою собак встретиться. А окружающие государя вельможи, которые были тогда же и охотники, для удовольствия своего не представляли молодому и незнающему государю, колико таковые езды вред земледелию наносят. Иззябши возвращался государь вечеру на квартиру, тут встречала его невеста его княжна Долгорукова, со множеством жен и девиц, и бал начинался, которой иногда гораздо поздно в ночь был продолжен. Младшие государевы лета от распутства его сохраняли, но подлинно есть, что он был веден, чтобы со временем в распутство впасть; а до тех мест любимец его, князь Иван Алексеевич Долгоруков, всем сам пользовался, и утружденного охотою государя принуждал по неволе представляемые ему веселья вкушать.

Наконец возвратился государь в Москву из Коломенского уезду, новые начались веселья, ежедневно медвежья травля, сажание зайцов, кулашные бои, с весельями придворными все часы жизни его занимали, даже как, простудясь, занемог воспою, в девятый день скончался, и вся надежда Долгоруких, яко скудельный сосуд о твердый камень сокрушилась. Осталось токмо памяти сего царствования, что неисправленная грубость с роскошью и с распутством соединилась. Вельможи и вышние впали в роскошь, жены стыд, толь украшающий их пол, стали оный забывать, а нижние граждане приобикли льстить вельможам.

Однако по смерти Петра Второго никого не было назначенного к приятию российского престола. Первостепенные вельможи собрались дабы учинить важное решение, кого во владыки толь великой части света возвести. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако не смели без взятия мнения от именитейших благородных сего решить. Разные мнения были подаваны. Иные представляли, что как вторая супруга Петра Великого уже царствовала над Россиею, то надлежит взять из монастыря первую супругу Петра Великого и оную на престол возвести. Другие представляли, что есть в живых две дочери Петра Великого, принцесса Анна в супружестве за герцогом Голштинским и принцесса Елисавета в девицах, и хотя они и прежде браку рождены, но как уже законными признаны, то рождение их не препятствует взойти на российский престол... Третьи представляли принцессу Екатерину, герцогиню Мекленбургскую, старшую дочь царя Иоанна Алексеевича, наконец четвертые представляли Анну вдовствующую герцогиню Курляндскую.

Уже собиравшиеся вельможи предопределили великое намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть учинить основательные законы государству и власть государеву сенатом или парламентом ограничить. Но заседание

в сенате токмо нескольким родам предоставили, тако, уменьшая излишнею власть монарха, предавали ее множества вельможам, со огорчением множества знатных родов, и вместо одного толпу государей сочиняли. Сии вельможи прияли в рассуждение разные выше предложенью мнения о наследстве престола. Были многие и дальновиднейшие, которые желали возвести царицу Евдокию Федоровну на российский престол, говоря, что как она весьма слабым разумом одарена, то силе учрежденного совету сопротивляться не может, а чрез сие даст время утвердиться постановляемым узаконениям в предъосуждения власти монаршей. Но на сие чинены были следующие возражения. Что закон препятствует сан монашеский, хотя и по неволе возложенной, с нее снять, и что она, имевши множество родни Лопухиных, к коим весьма была привязана, род сей усилится и может для счастья своего склонить ее разрушить предполагаемые постановления. Дочерей Петра Великого, яко незаконнорожденных, отрешили. Принцессу Екатерину Иоанновну, герцогиню Мекленбургскую, отрешили ради беспокойного нрава ея супруга, и что Россия имеет нужду в покое, а не мешания в дела сего герцога, по причине его несогласия с его дворянством. И наконец, думая, что толь знатное нечаянно предложенное наследство герцогини Анне Ивановне заставит искренно наблюдать полагаемые ими статьи. А паче всего склонил всех на избрание сие князь Василий Лукич Долгоруков, которой к ней особливую склонность имел и, может быть, мнил, отгнав Бирона, его место заступить. Все сии на сие согласились, и он сам послан был с пунктами призывать ее на престол российский, естли будет обещаться и подпишет сии предустановляемые законы.

<...>

Таковыми степенями достигла Россия до разрушения всех добрых нравов, о каковом при самом начале я помянул. Плачевное состояние, о коем токмо должно просить бога, чтоб лутчим царствованием сие зло истреблено было. А до сего дойти иначе не можно, как тогда, когда мы будем иметь государя, искренно привязанного к закону божию, строгого наблюдателя правосудия, начавших с себя, умеренного в пышности царского престола, награждающего добродетель и ненавидящего пороки, показующего пример трудолюбия и снисхождения на советы умных людей, тверда в предприятиях но без упрямства, мягкосерда и постоянна в дружбе, показующего пример собою своим домашним согласием с своей супругою и гонящего любострастии — щедр без расточимости для своих подданных и искавшего награждать добродетели, качества и заслуги без всякого пристрастия, умеющего разделить труды, что

принадлежит каким учрежденным правительствам, и что государю на себя взять, и наконец, могущего иметь довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательные права государству, и довольно тверда, чтобы их исполнять.

Тогда изгнанная добродетель, оставя пустыни, утвердит среди градов и при самом дворе престол свой, правосудие не покривит свои вески ни для мзды, ни для сильного; мздоимство и робость от вельмож изгонятся, любовь отечества возгнездится в сердца гражданские, и будут не пышностию житья и не богатством хвалиться, но беспристрастием, заслугами и бескорыстностию. Не будут помышлять, кто при дворе велик, и кто упадает, но, имея в предмете законы и добродетель, будут почитать их яко компасом, могущих их довести и до чинов, и до достатка. Дворяне будут в разных должностях служить с приличною ревностию званию их, купцы престанут желать быть офицерами и дворянами; каждый сократится в свое состоянием, и торговля уменьшением ввозу сластолюбие побуждающих чужестранных товаров, а отвозов российских произведеней процветет; искусства и ремеслы умножатся, дабы внутри России соделать нужное к пышности и великолепию некоего числа людей.

